

НОМО INERTUS ИЛИ НОМО SAPIENS

ИОАНН СТОБЕЙ И ЕГО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

В.К. ПИЧУГИНА

В статье рассмотрены структурные и содержательные особенности «Антологии» Иоанна Стобея — византийского компилятора V века, создавшего один из самых масштабных сборников цитат античных авторов. Этот сборник позволял всем желающим, начиная со школьной скамьи и на протяжении всей жизни осуществлять практику активного чтения античных текстов и приобщения к универсальному знанию, относительно свободному как от языческих, так и от христианских канонов. Отмечено, что первоначально «Антология» Стобея состояла из четырех книг, которые позже были сгруппированы в две, но от этого не перестали быть двумя автономными частями одной работы. Введение к антологии утрачено, но византийский богослов IX в. и Патриарх Константинопольский Фотий указывают, что Стобей написал учебник в помощь своему сыну Септимию, который имел проблемы с запоминанием текстов. Прямое указание Фотием на дидактическую цель работы Стобея, тем не менее, является одним из самых оспариваемых современными исследователями утверждений. Фотию доверяют в том, что касается первоначальной структуры и содержания антологии, но не в педагогическом умысле ее написания: одним авторам это кажется слишком незначительной целью (которая, если и была, то была неглавной), а другим, напротив, слишком масштабной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19–013–00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в Поздней Античности».

HYPOTHEKAI
2019. Вып. 3. С. 87-103
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2019. Issue 3. P. 87-103
DOI: [10.32880/2587-7127-2018-3-3-87-103](https://doi.org/10.32880/2587-7127-2018-3-3-87-103)

(которая, если и реализовалась, то далеко не полностью). Первые две книги антологии представляют собой взгляд на образование как на неразрывно связанный с философией процесс, а вторые две — как на укорененный в повседневной жизни результат. Методы работы Стобея с источниками позволяют говорить о том, что он не без педагогического умысла интегрировал цитаты в несколько громоздкий, но вполне осознаваемый им контекстуальный каркас. Последний оказался поврежденным многочисленными переписчиками, но не утраченным, что позволяет сделать вывод об особом месте этого сборника в пространстве образования и пространстве знания Поздней Античности.

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings — nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And — which is more—you'll be a Man, my son!

Rudyard Kipling. If (1895)¹

«Антология» Иоанна Стобея — восточно-римского компилятора V в. н.э. — является одним из значимых и неоднозначных ан-

¹ *Киплинг, Редьярд. О, если... «И если можешь быть в толпе собою, / При короле с народом связь хранить, / И, уважая мнение любое, / Главы перед молвою не клонить. / И если будешь мерить расстоянье / Секундами, пускаясь в дальний бег, / Тогда Земля — твоё, мой мальчик, достоянье. / И более того, ты — Человек! (Пер. С.Я. Маршака). — <http://poetarium.narod.ru/kipling/if.htm> (март, 2019). Заметим, что цитируемый перевод немного отходит от смысла Р. Киплинга. Как видно, в оригинальном тексте в обращении значится не столько «мой мальчик», сколько «мой сын», «сынок». То есть имеет место та самая адресация, что и у Стобея, который составил «Антологию» для своего сына, следуя принятой традиции. Подобные обращения встречаются в сочинениях Цицерона («Об обязанностях»), Авла Геллия («Аттические ночи»), Макробия («Сатурналии» и «Комментарий на 'Сон Сципиона'»), Марциана Капеллы («О бракосочетании Филологии и Меркурия»). Об этом см.: *Петрова* (2007). С. 19-20; *Она же* (2013). С. vii, примеч. 5.*

тичных сборных сочинений, написанных автором, о котором мы ничего не знаем. Имя предполагает христианскую принадлежность и вероятное происхождение из Стоби — города, от которого остались только руины и эта антология. Хронология жизни цитируемых в ней авторов позволяет уверенно говорить только о веке, в котором жил Стобей. Столь скудные сведения об авторе, помноженные на особенности жанра антологии, дают нам текст, который можно назвать почти внеавторским и вневременным текстом. История жизни книги оказалась отделена от истории жизни ее автора, который для одних исследователей был homo sapiens, а для других homo ineptus. Автором второго определения был немецкий историк и филолог Курт Ваксмут, который в ответ на высокую оценку, данную его соотечественником и коллегой Августом Мейнеке, заметил о Стобее: «Византийский школьный учитель... который по большей части даже не понимал значение стоиков»².

Краткая история книги с большой историей

Первоначально «Антология» Стобея состояла из четырех книг, которые позже были сгруппированы в две³. Первая пара известна как «Эклоги» (“*Eclogae physicae et ethicae*”) и большей частью касается вопросов метафизики и некоторых аспектов образования (способов получения знания и достижения добродетели), а вторая — как «Флорилегиум» (“*Florilegium*”) и затрагивает нравственные вопросы и социальные проблемы. В общей сложности «Антология» содержит более двухсот разделов, содержащих цитаты из текстов нескольких сотен античных писателей, среди которых исследователи особо выделяют Еврипида (как одного из наиболее цитируемых Стобеем авторов) и Плутарха (как одного из тех, чьим голосом у Стобея часто говорят другие авторы). «Антологию» можно было бы назвать сборником языческой мудрости, поскольку в ней нет ни одной цитаты христианских мыслителей, если бы не универсальность

² “...magistellus Byzantinus... qui plerumque ne sententiam quidem Stoicorum assecutus sit”. — Цит. по: *Stob. Ant. lib. (Wachsmuth)*. P. xxii.

³ В настоящей работе я намеренно опускаю все перипетии обретения и сопоставления разных кодексов, поскольку этот вопрос раскрыт в целом ряде статей. Указывая на те или иные части «Антологии», я опираюсь на издание: *Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth)*.

созданного Стобеем пространства знания и органичность его включения в позднеантичное пространство образования.

Поскольку введение к «Антологии» утрачено, о цели написания этого труда нам сообщает живший в IX в. византийский богослов и Патриарх Константинопольский Фотий. Он пишет, что Стобей составил «Антологию» для обучения и воспитания своего сына Септимия, который имел трудности с запоминанием текстов (№ 167)⁴. Биографические сведения о Стобее настолько скудны, что мы не можем рассуждать о том, насколько широка была аудитория, которой в действительности было адресовано данное сочинение. Возможно, Стобей использует хорошо известный в античной литературной традиции прием, который, например, использовал Цицерон, посвятив сочинение «Об обязанностях» своему сыну Марку и совершенно четко подразумевая более широкую адресацию. Сочинение Стобея порождает столько вопросов, ответы на которые никогда не будут найдены, что можно лишь с сожалением констатировать: «Для многих ученых, прямо или косвенно использующих его антологию, он может быть не более чем призрачной фигурой»⁵. И остается лишь опираться на Фотия как эксклюзивного читателя Стобея.

Антология Стобея: тексты, контексты и возможность их рассмотрения как особого педагогического проекта

Изучение «Антологии» Стобея можно назвать сравнительно молодой исследовательской областью, где «молодость» не мешает глубине и широте научных изысканий. Выражаясь метафорично, изучение Стобея похоже на распутывание одного из многих существующих антологических клубков, где «существует так много нитей, которые можно связать вместе, что есть риск того, что они никогда не дадут чего-то адекватного в конечном анализе»⁶. В изучении «Антологии» Стобея можно выделить два основных направления: *исследование исходных текстов*, которыми он оперировал, и его методах цитирования (антология как собрание фрагментов разного времени с подтвержденным или спорным авторст-

⁴ Phot. Bibl. (Henry). T. 2. P. 86-88.

⁵ Searby (2011). P. 23.

⁶ Ibid.

вом) и исследование контекстов, которые позволяют вскрыть его логику и цели работы с текстами (антология как часть интеллектуальной культуры своего времени).

В количественном отношении первое направление существенно доминирует над вторым, однако часто между ними достаточно трудно провести границу⁷. Даже если сосредоточиться только на восстановлении какого-то автора по Стобею, то это будет восстановлением самого Стобея как уникального автора, который преследовал множество целей, среди которых были и педагогические. Стобей вполне мог хотеть создать «многофункциональную работу, которая отвечала бы потребностям образованного государственного служащего, например, как «Моралии» Плутарха»⁸. Временной разрыв между этим трудом Плутарха и «Антологией» Стобея был достаточным, чтобы интеллектуалами была востребована новая версия советов, если не на все, то многие случаи жизни.

Поскольку перед нами хоть и обширное, но собрание цитат, которые практически не сопровождаются пояснениями автора, правомерно поставить вопрос, насколько возможно говорить о том, что «эти фрагменты являются частью более крупного проекта, и вообще предлагает ли Стобей какой-то общий контекст»?⁹. В рамках нашей статьи мы конкретизируем и проблематизируем этот вопрос следующим образом: можем ли мы предполагать, что этот проект отчасти являлся педагогическим, и подтверждает ли это содержание, сохранившее некоторые контексты?

Подобренные цитаты Стобея вписаны в большой и, на первый взгляд, громоздкий конструкт текста, который мог преследовать как минимум две разные дидактические цели. Первая из них связана с ориентированным на философию образованием, а вторая — с образованием, которое мы могли бы назвать «образованием для жизни».

⁷ Так, например, Д. Констан называет методы цитирования Стобея особым видом практики, отражающей особенности эпохи, стремящейся к подражанию и сохранению, а саму «Антологию» определяет, если не как кульминацию, то как значимую часть античной интеллектуальной традиции. См.: *Konstan* (2011).

⁸ *Searby* (2011). P. 23.

⁹ *Funke* (2013). P. 29.

Прежде чем перейти к их анализу, кратко охарактеризуем композиционные особенности «Антологии» и определим основные понятия, которые будут использоваться в статье и отражают авторскую позицию.

Основные понятия

С одной стороны, Стобей являлся автором-составителем, то есть одним из тех, кто делал написанные другими работы более доступными для читателя и чьи «собственные мысли, если они были, оказывались скрыты за мудростью других»¹⁰. С другой стороны, Стобея сложно назвать рядовым компилятором, который только «вырезал» и «вставлял», оформляя для потомков коллекцию цитат. Поэтому, когда мы будем использовать слово «антология» с маленькой буквы и без кавычек речь будет идти не о названии сочинения Стобея, а о жанре, в рамках которого существовали многочисленные сборники, каждый из которых являлся отражением своей практики чтения значимых текстов разных авторов.

Как уже отмечалось, композиционно «Антология» Стобея состоит из двух книг, которые были искусственно сформированы и включали разные по объему цитаты. Цитаты сгруппированы в разделы, которые предваряются подзаголовком (леммой) от автора, и перед каждой цитатой содержится ее краткое описание. Мы будем использовать слово «раздел» для указания на данные Стобеем названия частей «Антологии» и слово «подзаголовок» для указания на тексты-подводки от составителя, не всегда совпадающее с названием источника цитаты.

Композиционные особенности антологии Стобея

Первая книга «Антологии» начинается с раздела «О том, что Бог является создателем всего и управляет вселенной с провиденциальной мудростью, и в чем сущность Бога», а четвертая книга завершается разделом «О том, что наша память о большинстве из людей быстро исчезает после их смерти». Таким образом, «Антология» представляет собой некий цикл цитат, начинающийся с уяснения человеком того, что есть Бог, и завершающийся вопросами смертности человека, исключая вопросы о загробной жизни. Это «уясне-

¹⁰ Konstan (2011). P. 36.

ние» отчасти отражает представление Стобея о сложностях и возможностях познания, а также ограничениях, которые неизбежно накладываются на этот процесс: «Понять бога трудно, передать же его невозможно даже тому, кто может его понять. Невозможно телу обозначить бесплотное, и невозможно несовершенному постичь совершенное, и трудно недолговечному идти рядом с вечным. Ведь один есть вечен, а другой проходит; один есть истина, другой — только в воображении. <...> И это расстояние, разделяющее их, мешает видеть прекрасное. <...> ...то, что невозможно выразить, это Бог!»¹¹.

Первая книга «Антологии» касается преимущественно вопросов метафизики, многие из которых рассмотрены не без нравоучительного контекста (например, разделы «О справедливости, установленной божеством для надзирания за человеческими деяниями на земле ради наказания преступников», «О судьбе и хорошем устройстве дел», «О человеческой природе», «О восстановлении дыхания и эмоциях» и др.). Вторая книга охватывает широкий спектр вопросов, часть из которых прямо или косвенно касается вопросов образования («О диалектике», «О риторике», «О поэзии», «О том, что нужно стремиться общаться с мудрыми и избегать простецов и необразованных людей», «О том, что труднодостижима добродетель, а порок легко достигаем», «О воспитании и обучении», «О том, что дружба есть наилучшее благо» и др.). Третья книга касается вопросов характера и особенностей жизненного пути человека («О добродетели», «О благоразумии», «О трусости», «О лжи», «О скромности», «Об отечестве» и др.). Стобей не только выделяет ключевые добродетели и пороки, но и предпринимает попытку выстроить некоторую их иерархию, не используя христианскую логику изложения. Четвертая книга объединяет социально значимые и связанные с политикой цитаты («О законах и нравах», «Правила царствования», «Порицание тирании», «О юношестве», «О детях», «Управление домохозяйством» и др. В четвертой книге Стобей часто группирует цитаты в противоположные («О счастье» и «О несчастье», «Хвала бедности» и «Осуждение бедности» и др.). Такое предъявление источников позволяет предполагать, что Стобей хотел явить читателю некоторое подобие авторского диалектического курса.

¹¹ Cod. Herm. Stob. Fr. 1 = *Stob. Flor. Gaisford. LXXX (LXXVIII)*.

В выборе такой структуры своей работы Стобей не был новатором, а лишь следовал существовавшей традиции, поощрявшую, скорее, «культуру поиска и просмотра информации, а не культуры постоянного чтения»¹². Некоторые названия разделов у Стобея имеют прямые параллели с названиями частей «Моралий» Плутарха, часть из которых совершенно очевидно были даны им самим. В отличие от Плутарха и ряда других авторов и их переписчиков, которые давали названия частям тех или иных работ, Стобей предлагал читателю посмотреть на названия разделов не только как на оглавление. Это подтверждает несколько сбивчивая, но все же логическая структура названия подразделов: в первой книге эти названия часто довольно длинные, в третьей — включают ключевое существительное, а в четвертой — часто выстроены как антитезы. Вероятно, для Стобея такое структурирование антологии было не столько стремлением упростить чтение, сколько направлением его, однако некоторые направления были утрачены или искажены последующими переписчиками. Благодаря Фотию мы знаем, как Стобей структурировал свой труд и какие цели обозначал в утраченном введении. Нельзя сказать, что Стобею не хватает «собственного голоса»; скорее в силу обстоятельств мы не слышим этот голос в полной мере и вряд ли когда-нибудь услышим.

**«Два в одном» или особенности дидактических целей
Стобея: тонкость побуждения к получению нового знания**

Признавая общую «энциклопедически-дидактическую ценность»¹³ антологии, современные исследователи подчеркивают, что труд Стобея — это два отдельных блока, которые относительно автономны. Далее мы постараемся доказать, что эти блоки преследуют разные дидактические цели — первый в большей степени ориентирован на образование как *процесс*, осуществление которого невозможно без погружения в философию, а второй — на образование как *результат*, значимый для правильного выстраивания жизненного пути человека.

¹² Searby (2011). P. 28.

¹³ Curnis (2011). P. 197.

Поскольку деление было произвольным, оно дает искаженное представление о критериях, по которым Стобей включал те или иные цитаты в разные части своего труда. Единственной нитью, позволяющей прояснить что-то относительно первоначальной структуры антологии, пока остается Фотий, который утверждает, что после вступления у Стобея находились две вводные главы — похвала философии и рассуждения о философских школах.

Первые две книги в том виде, в котором мы сейчас имеем, чаще всего обсуждаются исследователями с точки зрения отсутствия или неполной представленности тех или иных «канонических» для античной философии авторов и тем. На наш взгляд, жанр позволяет Стобею предлагать читателю «открытый» текст, который может быть самостоятельно дополнен при чтении. «Антология» Стобея включает достаточно мало фрагментов из Гомера, который, однако, часто цитируется не прямо, а косвенно, и, например, более семисот цитат из Еврипида (большой частью из недошедших до нас трагедий), которые сосредоточены преимущественно в третьей и четвертой книгах, где рассматриваются особенности жизни и характера человека (включая особенности аретэ) и поднимаются повседневные вопросы (особенности отношений мужчиной и женщиной, организации семьи, заботы о родных или приемных детях, управления рабами и т.д.).

Вероятно, у Стобея не было непосредственного доступа ко всем работам цитируемых им авторов, и во многих случаях он обращался к промежуточным, а не оригинальным источникам. Одним из таких авторов мог быть Арий Дидим — александрийский философ-стоик и наставник императора Октавиана Августа, под именем которого не сохранилось ни одной работы. По одной из гипотез, Стобей помещает «Эпитому»¹⁴ Ария Дидима в главу 2.7, а в других частях «Антологии» цитирует основные положения его этического учения, в том числе ссылаясь на материал, к которому у Стобея не могло быть непосредственного доступа¹⁵. Косвенным подтверждением тому является то, что глава 2.7. у Стобея не содержит указания

¹⁴ Это сочинение многие авторы называют своеобразным учебником по этике.

¹⁵ *Dorandi* (2018). P. 476.

на идеи и события, выходящие за пределы I в. до н.э., а само содержание главы отражает восприятие философского знания на рубеже между эллинистической и римской эпохами.

Обращение Стобея к Дидиму и другим философам очень по-разному оценивается современными исследователями (вспомним, хотя бы цитату Ваксмута о непонимании Стобеем стоицизма, с которой мы начали эту работу). Т. Бреннан, например, считает, что в касающихся стоицизма фрагментах антологии Стобея достаточно «византийского мусора»¹⁶, который нужно осторожно отделять и ошибочно не приписывать Стобею. По мнению, М. Войцеховского, «Эпитома» Дидима могла быть очень привлекательна для Стобея и его читателей, поскольку была отражением «способа мышления об этике, типичного для образованных людей этого периода»¹⁷. Если мы принимаем эту гипотезу, то Стобей действительно является доксографом, как его определяет Мансфельд¹⁸, поскольку он сохранил для потомков текст Дидима. Однако нам, как и Д.М. Сирбаю, все же, ближе называть Стобея именно антологом, поскольку его отличал особый способ работы с источниками: «Учитывая, что первая книга явно основана на доксографической традиции, и что 2.7 вводит этический раздел остальной части работы, воспроизводя большую часть этической доксографии Ария Дидима, возникает вопрос: есть ли в различных доксографических сборниках какие-либо заголовки, которые *направляли* Стобея в создании заголовков во второй книге и, возможно, даже в третьей и четвертой, но я не знаю ни одного свидетельства, последовательно указывающего в этом направлении»¹⁹.

Вторые две книги представляют собой иной взгляд на образование, которое рассматривается уже не как неразрывно связанный с философией процесс, а как укорененный в повседневной жизни результат. Структура и содержание этих книг показывают, что Стобей не хотел явить сыну и читателю в целом некий недвижимый конструкт своих выводов и логики, а, скорее, открывал возможность для диалога по целому ряду актуальных вопросов, на которые можно по-

¹⁶ Brennan (2014). P. 278.

¹⁷ Wojciechowski (2006). P. 26.

¹⁸ Mansfeld; Runia (1997). Passim.

¹⁹ Searby (2011). P. 34.

смотреть с противоположных точек зрения. Показательно, что раздел о браке как прекрасном деле Стобей начинается с цитаты, отражающей особенности жизненного пути царя Эдипа (однако берет не ту версию, где царь ослеплен, пережил самоубийство своей жены Иокасты и отправлен в изгнание, а версию, где Иокаста осталась жива и обещает поддерживать его, чтобы еще в его жизни ни случилось):

Дети и жена — великое царство для мужчины... /
Потерять детей, отечество и богатство /
Это трагедия для человека, равная, как я считаю, /
Потере хорошей жены, в которой его богатство и заключено...²⁰.

Этот и другие примеры, на наш взгляд, несколько объясняют для нас (возможно, отчасти, педагогическую) логику Стобея, если только мы не попадаем в ловушку простого вывода о том, что он отбирает только те цитаты, которые полностью разделяет. Цитаты о том, что муж берет в дом жену, заведомо зная, что ее еще предстоит многому научить и воспитать (идея, которая является одной из основных в «Ойкономии» Ксенофонта), у Стобея сгруппированы таким образом, что из них можно сделать множество противоречивых выводов. Например, одним из них, очевидно, является вывод о том, что кому-то в жизни (в целом и в семейной, в частности) везет больше, а кому-то меньше; и это везение часто не зависит от того, каким образом человек проживает жизнь. Самоконтроль и умение обуздывать особенности своего характера, безусловно, важны, но они не являются гарантией жизненного успеха.

Относительно детей и их воспитания Стобей приводит достаточно обширную цитату, которая тоже не может рассматриваться как «универсальный рецепт»:

Я не уверен и не могу точно понять, действительно ли смертным лучше заводить детей или наслаждаться бездетной жизнью. Ибо я вижу, что те, у кого нет детей, несчастны, а всем тем, у кого они есть, ни в коем случае не повезло больше. Если их дети оказываются плохими, то это является самым отвратительным недугом; если же, напротив, они хорошо себя ведут — это

²⁰ Eur. Fr. 543 = Stob. 4.22.1.1. Здесь и далее, если не указано иного, перевод на русский язык осуществлен автором настоящей статьи.

большое огорчение — они заставляют своего отца беспокоиться о том, что с ними что-то может случиться²¹.

Здесь у Стобея просматривается мотив, если не покорения судьбе, то достойного ее принятия. Ведь если в жизни нет ничего счастливого, что мы могли бы назвать приходящим к человеку «по умолчанию», то не стоит расстраиваться, если счастье не пришло или пришло не в желаемом виде.

К. Функе видит в этом скрытый педагогический умысел: «Поскольку Стобей, как кажется, подразумевал, что его антология направляет его сына как человека в обществе, выбранные им цитаты будут естественным образом отражать преимущественно мужскую перспективу с акцентом на поведение, желательное для взрослого образованного человека»²². По мнению Функе, цитаты Еврипида подобраны Стобеем таким образом, чтобы сын мог разглядеть серию посланий от отца: что любовь может быть опасной, отношения внутри семьи — сложными, а жизнь в целом — это борьба с поведенческими стратегиями, с которыми не всегда стоит бороться именно так, чтобы их полностью исключить. Чтобы органично вписываться в общество, человеку следует уступать не только другим, но и самому себе, иногда разрешая себе что-то излишнее и заведомо неправильное, например, если дело касается любви. Неслучайно Стобей приводит следующую цитату из «Ипполита» Еврипида:

В наставниках отваги и дерзанья /
Держу Эрота, он непобедимей всех /
И самый ловкий бог в делах столь безнадежных»²³.

Ипполиту у Еврипида, если верить Стобею, следовало бы подчиниться неизбежному, а не противиться ему, потому что, отвергая хотя и неправильную, но любовь Федры, он теряет свою мужественность, поскольку выбирает стратегию побега от чувств, что в большей мере свойственно женщинам.

²¹ *Idem.* Fr. 571 = *Stob.* 4.24.2.17.

²² Funke (2013). P.35.

²³ *Hipp.* Fr. 430 = *Stob.* 4.20.1.25. Пер. Л.Б. Поплавской. — Цит. по: Поплавская (2005). С. 45-59.

Если согласиться с тем, что все это можно назвать «андроцентрической дидактической платформой», то Стобей хочет показать не только своему сыну, но и любому заинтересованному читателю, что такое хорошо или плохо. Именно поэтому, как считает Функе, Стобей, например, включает в четвертую книгу «Антологии» такие цитаты из Еврипида, чтобы можно было увидеть немужское поведение даже у такого греческого эталона мужественности как Геракл. Мужественность и женственность рассматриваются Стобеем как добродетели, над которыми нужно работать в течение всей жизни, постоянно корректируя стратегии мышления и поведения. Когда Стобей предлагает читателю подборку цитат о роли мужчины или женщины в семье, он утверждает, что мужественность требует смелых действий (часто политических, а не только действий по праву физической силы как у Геракла), а женственность — осторожных. Сопоставление, как отдельных цитат, так и их подборок с заголовками разделов, позволяет увидеть, в том числе, и то, что Стобей-педагог (?) считает существенным и заслуживающим внимания читателя.

Значение антологии Стобея: компиляции во имя новых образцов и практик получения знания

Можно предположить, что отбор и выстраивание источников в общую схему заняли у Стобея несколько лет жизни. Не зная особенностей его жизненного и творческого путей, мы не можем рассуждать о том, насколько органичен или оппозиционен был Стобей относительно существовавшей литературно-педагогической традиций, предписывающей читателю не пренебрегать выдержками из значимых текстов и воспринимать их как элемент образования / самообразования. Антология Стобея привлекательна тем, что оно «очаровывает современного ученого и превосходит амбиции даже очень изощренной школьной программы»²⁴.

По мнению Д. Константа эта антология была данью интеллектуальной моде своего времени, а ее автор являлся одним из тех, кто «взял на себя благородную задачу сохранения чего-то из мощной

²⁴ Curnis (2009). P. 207.

традиции, которая сейчас превратилась в ручеек»²⁵. Констан сформулировал одно из самых распространенных среди современных исследователей определений роли и миссии Стобея: поскольку творил в условиях, когда языческий мир был еще не до конца разрушен, а новый христианский еще не до конца построен, то должен был понимать возложенную на него ответственность по отбору содержания и способам его предъявления читателю. Вопросы о том, насколько глубоким было это понимание и насколько оно открыло для Стобея возможность быть самобытным и оригинальным среди современников, можно отнести к категории риторических. Для потомков антология Стобея стала «дидактическим сборником универсального масштаба»²⁶. Это было сочинение, которое многократно расширялось, сокращалось и использовалось с разными целями, каждый раз способствуя переходу к новым образцам и практикам получения суммированного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты, кроме случаев оговоренных особо, см. в открытом доступе в сети Интернет:

Phot. Bibl. (Henry). — *Photius. Bibliothèque / Ed. et trad. R. Henry. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1960. P. 86-88.*

Stob. Ant. lib. (Wachsmuth). — *Ioannis Stobaei Anthologii libri duo priores qui inscribe solent Eclogae physicae et ethicae / Rec. C. Wachsmuth. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1884.*

Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth). — *Ioannis Stobaei Anthologii librum alterum / Ed. C. Wachsmuth. Vol. 1-4. Berlin, 1884.*

Brennan (2014). — *Brennan T. Arius, Stobaeus and the scholiast // Classical Quarterly 64.1 (2014). P. 270-279.*

Curnis (2011). — *Curnis M. Contenuti e Contenitori. Frammenti di Storia Nell'antologia di Giovanni Stobeo // Ex fragmentis / Per fragmenta Historiam tradere. Atti della II giornata di studio sulla storiografia greca*

²⁵ *Konstan (2011)*. P. 9.

²⁶ *Curnis (2009)*. P. 198.

- fragmentaria (Genova, 8 ottobre 2009), a c. di F. Gazzano, G. Ottone, L.S. Amantini, Edizioni Tored: Tivoli 2011.
- Dorandi* (2018). — *Dorandi T.* Iohannes Stobaios // Grundriss der Geschichte der Philosophie. Begründet von Friedrich Ueberweg. Völlig neu bearbeitete Ausgabe / Herausgegeben von Helmut Holzhey. 2018. P. 471-484.
- Funke* (2013). — *Funke M.K.A.* Euripides and Gender: the difference the fragments make / Unpubl. diss. University of Washington, 2013. 232 p.
- Konstan* (2011). — *Konstan D.* Excerpting as a reading practice // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydams-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 9-22.
- Mansfeld; Runia* (1997). — *Mansfeld J.; Runia D.T.* Aëtiana: the method and intellectual context of a Doxographer. Vol. 1. Leiden: Brill, 1997. Pp. xxii + 371.
- Searby* (2011). — *Searby D.M.* The intertitles in Stobaeus: condensing a culture // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydams-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 23-70.
- Wojciechowski* (2006). — *Wojciechowski M.* Philosophical vocabulary of Arius Didymus and the New Testament // Roczniki Teologiczne. 53.1 (2006). P. 25-34.
- Поплавская* (2005). — *Поплавская Л.Б.* Любовь в трагедии или трагедия любви: «Ипполит» Еврипида // Вестник СПбГУ. Серия 9. № 3 (2005). С. 45-58.

Victoria K. PICHUGINA

HOMO INEPTUS OR HOMO SAPIENS

JOANNES STOBÆUS AND HIS “UNIVERSAL KNOWLEDGE” IN THE EDUCATIONAL SPACE OF LATE ANTIQUITY

The article discusses the structural and substantive features of the *Anthology* by Joannes Stobaeus, the 5th century Byzantine compiler, who created one of the most extensive collections of extracts from ancient authors. This collection allowed everyone, throughout life, to practice active reading of classical texts as well as to be introduced to universal knowledge relatively free from either pagan or Christian faith. Initially, Stobaeus' *Anthology* consisted of four books which were later grouped into two volumes, but they did not cease to be two

autonomous parts of the same work. The introduction to the *Anthology* is lost, but the 9th century Byzantine theologian and Patriarch Photius of Constantinople points out that Stobaeus wrote a textbook to help his son Septimius, who had problems memorizing texts. Photius's direct indication of Stobaeus' didactic purpose, however, is one of the assertions most challenged by contemporary researchers. Photius is trusted in terms of the original structure and content of the *Anthology*, but not in its pedagogical intention: to some authors, this seems to be too insignificant a purpose (which was secondary, if any), but to others, on the contrary, too ambitious (whose implementation was far from complete). The first two books of the *Anthology* represent a view of education as a process inextricably bound to philosophy and the second two — as a result rooted in everyday life. Stobaeus' methods of working with sources suggest that he, not without pedagogical intent, integrated quotations into a somewhat cumbersome but well thought out contextual framework. The latter was damaged by numerous copyists, but not lost, which allows us to speak about a special place this collection occupied in the educational and knowledge space of Late Antiquity.

REFERENCES

- Phot. Bibl. (Henry)*. — *Photius. Bibliothèque / Ed. et trad. R. Henry. T. 2. Paris: Belles Lettres, 1960. P. 86-88.*
- Stob. Ant. lib. (Wachsmuth)*. — *Ioannis Stobaei Anthologii libri duo priores qui inscribe solent Eclogae physicae et ethicae / Rec. C. Wachsmuth. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1884.*
- Stob. Ant. lib. alt. (Wachsmuth)*. — *Ioannis Stobaei Anthologii librum alterum / Ed. C. Wachsmuth. Vol. 1-4. Berlin, 1884.*
- Brennan (2014)*. — *Brennan T. Arius, Stobaeus and the scholiast // Classical Quarterly 64.1 (2014). P. 270-279.*
- Curnis (2011)*. — *Curnis M. Contenuti e Contenitori. Frammenti di Storia Nell'antologia di Giovanni Stobaeo // Ex fragmentis / Per fragmenta Historiam tradere. Atti della II giornata di studio sulla storiografia greca frammentaria (Genova, 8 ottobre 2009), a c. di F. Gazzano, G. Ottone, L.S. Amantini, Edizioni Tored: Tivoli 2011.*
- Dorandi (2018)*. — *Dorandi T. Iohannes Stobaios // Grundriss der Geschichte der Philosophie. Begründet von Friedrich Ueberweg. Völlig neu*

- bearbeitete Ausgabe / Herausgegeben von Helmut Holzhey. 2018. P. 471-484.
- Funke* (2013). — *Funke M.K.A.* Euripides and Gender: the difference the fragments make / Unpubl. diss. University of Washington, 2013. 232 p.
- Konstan* (2011). — *Konstan D.* Excerpting as a reading practice // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydams-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 9-22.
- Mansfeld; Runia* (1997). — *Mansfeld J.; Runia D.T.* Aëtiana: the method and intellectual context of a Doxographer. Vol. 1. Leiden: Brill, 1997. xxii + 371 p.
- Searby* (2011). — *Searby D.M.* The intertitles in Stobaeus: condensing a culture // Thinking through excerpts: studies on Stobaeus / Ed. by G. Reydams-Schils. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2011. P. 23-70.
- Wojciechowski* (2006). — *Wojciechowski M.* Philosophical vocabulary of Arius Didymus and the New Testament // Roczniki Teologiczne. 53.1 (2006). P. 25-34.
- Poplavskaya* (2005) — *Poplavskaya L.B.* Lyubov' v tragedii ili tragediya lyubvi: «Ippolit» Evripida // Vestnik SPbGU. Seriya 9. № 3 (2005). S. 45-58.